

Дом волчиц

Автор:

[Элоди Харпер](#)

Дом волчиц

Элоди Харпер

МИФ Проза Романы МИФ. Мифические ретеллинги

Амара – рабыня в Помпеях, ее тело принадлежит мужчинам, которых она презирает. Но ее дух не сломлен. Днем она гуляет по улицам с подругами по несчастью, находя утешение в смехе и мечтах о лучшем будущем. За пять лет до извержения Везувия обреченный город живет беззаботной жизнью: пышные празднества, пиры на богатых виллах, бои гладиаторов. На улицах Помпеев полно возможностей, и даже раб способен поймать удачу за хвост. Но какую цену придется заплатить? Амаре предстоит узнать, чем она готова пожертвовать ради свободы.

На русском языке публикуется впервые.

Элоди Харпер

Дом волчиц

Elodie Harper

The Wolf Den

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

The Wolf Den

Copyright © Elodie Harper, 2020

All rights reserved.

Design & Illustration: Holly Ovenden

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

* * *

Со всей моей любовью посвящается Эжени, Рут и Тому – моим сестрам и брату по крови и свойству

Слово lupanar (лупанарий) для римлян имело два значения: публичный дом и волчье логово, а слово lupa могло означать как проститутку, так и волчицу.

74 год нашей эры. Фебвариус

Глава 1

Термы, вино и секс приближают судьбу.

Древнеримская максима

Окутанная исходящим от кожи паром, она молитвенно складывает ладони и откидывается на спину в теплой воде. Легкие волны плещут ей в шею. Кругом смех и женские голоса, смешение звуков эхом отражается от камня. Она пропускает шум мимо ушей и сосредоточивает внимание на своих пальцах, водя ими по поверхности и глядя, как с них капает вода и поднимается пар. «Эти руки могли быть чьими угодно, – думает Амара, – они могли принадлежать любому. Но они принадлежат Феликсу».

Затем чьи-то пальцы переплетаются с ее, нарушив задумчивость Амары. Виктория рывком вытаскивает ее из воды.

– Амара! Ты же волосы намочишь! Нельзя лежать на спине! – Пощипывая ногтями кожу девушки, Виктория пытается взбить ее кудри, поникшие и липнущие к плечам. – Они у тебя как крысиные хвосты. О чем ты только думала?

Амару захлестывает тревога: как можно быть такой беспечной, ведь она сегодня столько отдыхала!

– Я не знаю, я...

– Все не так уж плохо. – Она оборачивается и видит неслышно подошедшую к ним Дидону. Та смотрит на них, слегка нахмутив брови. – Почти незаметно.

– Какая разница! Мужчины приходят сюда не ради волос, – произносит другой, куда менее приветливый голос.

Драука, самая ценная женщина Симо, наблюдает за ними с противоположной стороны узкого бассейна. Поднявшись из воды, она вскидывает руки и

раскачивается из стороны в сторону. Темные волны ее волос блестят как вороново крыло. Позади нее, за округлыми арочными окнами, сереет плоское море. Девушки не могут отвести взгляд от ее тела. Амаре вспоминается статуя Елены Троянской, которую она видела еще в Афидне, когда у нее было другое имя и другая жизнь.

– Венера Помпейская! – в преувеличенном изумлении ахает Виктория, хватаясь за Амару. – Богиня ходит среди нас! О, убереги мои глаза от своей неземной прелести!

Драука мрачнеет и с плеском опускает руки. Виктория смеется.

– Можно подумать, тут ни у кого больше нет сисек, – добавляет она, однако уже вполголоса, чтобы ее слова не достигли слуха Драуки.

– Но она и на самом деле прекрасна, – говорит Дидона, по-прежнему глаза на их соперницу. – Она ведь здесь уже не впервые, правда? Возможно, мужчины предпочтут ее, возможно...

– Исключая Драуку, чем они лучше нас? – перебивает Виктория, испепеляя взглядом трех спутниц пышной красавицы. Те плещутся с напускной веселостью, заливаясь наигранным смехом и занимая большую часть бассейна. – Сразу видно, что все как одна подавальщицы. У Марии ручищи как у носильщика.

Амара сомневается, что они вправе высмеивать этих женщин, учитывая их собственный низкий статус бордельных шлюх. Волчицы. В животе затягивается знакомый узел.

– Интересно, что это будут за мужчины, – говорит она.

– Они будут... – Не успев закончить мысль, Виктория отвлекается на что-то за спиной Амары. – Эй! – кричит она. – А ну отпусти! Отпусти ее!

Она бредет по воде к какой-то пожилой женщине, которая тянет Крессу за руку, пытаясь вытащить ее из бассейна. Наконец под возмущенным взглядом Виктории старуха выволакивает мокрую Крессу на бортик.

– Феликс? Ты принадлежишь Феликсу? – Старуха нагибается и нацеливает скрюченный палец в лицо Виктории.

Никто не отвечает. Незнакомка оглядывает сбившихся в стайку девушек. Подплывшая к ним Бероника удивленно приоткрывает рот.

– Вон отсюда, Феликсовы шлюхи! – нетерпеливо велит старуха, повелительно махая рукой в сторону выхода.

Кресса пытается возразить, но старуха ее отпихивает. Женщины Симо больше не плещутся и не смеются. Амара скорее чувствует, чем видит, что все они сгрудились в дальнем краю бассейна.

– Сейчас же вон, Феликсовы шлюхи! – повторяет старуха, поочередно ткнув в каждую из них пальцем. Никто не сходит с места, и она хватается Амару за руку. – Вон! Вон! Убирайтесь сейчас же!

Девушка обдирает кожу о камень, когда старая карга с визгом подтаскивает ее к бортику. Жесткие пальцы на удивление сильной хваткой вцепляются в ее мягкое плечо. Резко высвободившись, она подтягивается на горячие плиты. Старуха продолжает надирать горло, угрожая позвать Вибо, если они не поторопятся. При упоминании имени управляющего термами женщины Феликса наконец выходят из неподвижности. Обнаженные, они вылезают из воды и спешат в соседнюю комнату, дрожа от резкой смены освещения и температуры. Каскад шумно низвергается в холодный бассейн, заглушая старухины крики. Амара, пошатнувшись, опирается о ярко-синюю стену и старается не потерять равновесие, протискиваясь мимо картин с изображениями морских созданий. Огромная рыба разевает пасть у самого ее лица.

Когда все пять девушек оказываются в раздевалках, спорить продолжает одна Виктория. Они не проходили через эти комнаты по пути в бассейн. Над рядами ящичков из полированного дерева висят картины, изображающие любовников во всех возможных сексуальных позициях. Одежда девушек ворохом свалена на полу.

– Пошевеливайтесь, пошевеливайтесь! – требует их мучительница, швырнув плащ еще не оправившейся от потрясения Беронике.

Амара не нуждается в дальнейших понуканиях. Она наклоняется и, порывшись в груди одежды, протягивает желтую тогу Дидоны, которая дрожит как лист от страха, равно как и от холода. Дидона еще не свыклась с положением рабыни, и каждое новое унижение ранит ее в самое сердце. Не суетится только Виктория. Остальные давно уже оделись, а она еще завязывает тогу, со жгучей ненавистью глядя на старуху. Когда Виктория наконец отворачивается, та делает жест от дурного глаза.

Последний тычок костлявого пальца между лопаток, и вот Амара и другие девушки уже жмутся друг к другу во внутреннем дворике. Мелкий дождь бьет в лицо, с моря дует холодный ветер. Они стоят, сбившись в кучку в промокших насквозь тогах и плащах. Амара озирается, удивляясь их одиночеству, и замечает двух здоровяков, укрывшихся под колоннадой, у расписанной нимфами и розами стены. Один из них, мужчина с грозным лицом, размашисто шагает к девушкам. Это Трасо, надсмотрщик Феликса.

– В чем дело? Что случилось? – Кулаки Трасо сжаты в предвкушении драки.

Амара отстраняется. Ей уже доводилось испытать на себе тяжесть этих кулаков.

– У него спроси, – говорит она, указывая на мужчину, оставшегося стоять в тени. – Разве он не служит Симо?

– Кто-то надул Феликса, – добавляет Виктория, в то время как Трасо резко разворачивается к колоннаде. – Женщинам Симо позволили остаться, а нас всех вышвырнули вон до прихода мужчин. Весьма своевременно, тебе не кажется?

Не дожидаясь разъяснений, Трасо бросается через двор и замахивается в голову недавнему товарищу.

– Балбус! Я убью тебя, проклятый лжец!

Балбус уворачивается от прямого удара, однако тумак приходится ему в ухо и заставляет пошатнуться. Схватив противника за плечи, Трасо лбом разбивает ему нос. Балбус вырывается, рыча и держась за окровавленное лицо. Трасо снова устремляется в бой, и оба с ревом падают на землю, беспорядочно молотя руками и кусаясь. Девушки растерянно наблюдают за дракой.

– Феликсу это не понравится, – констатирует очевидное Бероника.

Амара искоса поглядывает на Викторию, надеясь, что подруга отпустит едкое замечание, но та отводит глаза.

В дверях поднимается суতোлка. Не успевают девушки отпрянуть, как во двор выбегает группа рабов. Они кидаются к дерущимся, пытаются их разнять, – и один из миротворцев тут же получает удар в лицо. Вслед за рабами появляется одышливый, дородный, завернутый в зеленую тогу управляющий термами. Оттолкнув Крессу с дороги, Вибо спешит к виновникам беспорядка.

– Довольно! – кричит он. – Или будете отвечать за неповиновение перед своими хозяевами!

Мужчины наконец откатываются друг от друга. Трасо встает первым, тогда как Балбусу помогают подняться двое рабов.

– Хотите по миру меня пустить? – вопрошает Вибо. – Сцепились на моем пороге, будто бродячие псы! Всыпать бы вам плетей!

Балбус бормочет что-то неразборчивое.

– Мне плевать! – кричит Вибо. – Сейчас же выметайтесь, оба. И потаскух своих прихватите.

Не дожидаясь особого приглашения, девушки пересекают двор прежде, чем Трасо успеет их догнать. Амара замечает, что надсмотрщик прихрамывает: должно быть, Балбус, которому не поздоровилось еще больше, успел-таки нанести несколько увесистых ударов. У Трасо рассечена губа, и он баюкает свою руку. Девушкам хватает ума не спрашивать, как он себя чувствует.

Под предводительством Виктории они взбираются по ступеням к высоким воротам. Замыкающая процессию Бероника не успеет избежать злого шлепка Трасо. Все они понимают, что он срывается на них, зная, что по возвращении в лупанарий на него обрушится гнев Феликса. В душе Амары нарастает страх, и она тщетно пытается сглотнуть застрявший в горле комок.

Выйдя на улицу, они словно попадают в поток быстрой реки. Амара хватается Дидону за руку, и они вместе пробиваются сквозь давку вверх по холму к воротам форума[1 - Форум – первоначально рыночная площадь в городах Древнего Рима, ставшая со временем центром общественной и политической жизни. В императорскую эпоху это парадный архитектурный ансамбль, окаймленный портиками и украшенный скульптурами, включавший храмы богов – покровителей города, базилики для заседаний суда и городского управления, триумфальные арки. Прим. ред.]. Ноги скользят по мокрым камням. Амара впервые попала в Помпеи с Дидоной. С тех пор прошло всего несколько месяцев, а кажется – целая жизнь. Они вместе шли этим путем осенью, после того как Феликс купил их на невольничьем рынке в Поццуоли. Погода была теплее, чем сейчас, а небо яснее. Ей вспоминаются сладкие спелые фиги, купленные Феликсом в дорогу. Стоило разломить плоды пополам, как блестящая розовая мякоть прилипла к пальцам. Те мгновения казались почти счастливыми – конечно, если бы счастье могло существовать в мире, где ее, Амару, продают и покупают. Она по сей день удивляется проявленной Феликсом добротой. Они и не догадывались, насколько несвойственно ему это качество.

Мимо проталкивается мужчина с тяжелой корзиной рыбы на голове, обращая плечи в толпу, будто оружие. Следом за ним они ныряют в высокую подворотню и оказываются в гулком темном проходе. Склон дороги становится круче, а толчея – еще страшнее. Оглянувшись, Амара видит, как Кресса с обреченным лицом тащит вверх по холму запыхавшуюся Беронику. Отставший Трасо почти исчез из виду. Должно быть, его одолевает боль в ноге, иначе он бы уже выбранил Беронику за медлительность. Виктория, разумеется, вырвалась вперед. Она единственная из пяти женщин Феликса родилась в этом городе и, хоть и будучи рабыней, в отличие от остальных чувствует себя здесь вольготно, как у себя дома.

В городских стенах дорога выравнивается, но становится мокрее, вода окатывает обувь Амары. Дидона помогает ей подняться на высокий тротуар, и два торговца тканями с ворчанием уступают им путь. На девушек напирает мужчина, увешанный миртовыми гирляндами – подношениями для храма Венеры.

– Для вашей богини? Во имя любви? Две штуки за медяк! Приносят удачу! – Он подносит листья так близко к лицу Дидоны, что та непроизвольно вскидывает руку, чтобы закрыться вуалью, которой больше не носит.

Амара отталкивает гирлянды.

– Нет.

Когда они достигают форума, толпа рассеивается по просторной площади. Лоточники разделяют человеческие потоки, подобно камням. Одни прохожие замедляют шаг, чтобы поглазеть или поторговаться, другие размашисто шагают мимо. В дальнем конце площади высится храм Юпитера, на ступенях которого курится фимиам. Здание колыхается в знойном мареве. Дым благовоний тает над громоздящейся позади него синей горой. Амара вспоминает, как улыбался ее отец, когда она спрашивала, верит ли он в богов: «Истории обладают силой независимо от того, верим мы в них или нет». Она гонит от себя воспоминания о его голосе.

Остальные девушки продолжают искать глазами Трасо. Наконец Дидона показывает на него остальным. Надсмотрщик раздраженно пробирается через толпу.

– У него что, опять сломан нос? – спрашивает Бероника. – Он выглядит ужасно.

– Хуже, чем обычно? Ты уверена? – отзывается Виктория. – Кажется, Балбус вправил его на место.

Бероника не понимает шутки.

– Нет, он выглядит просто ужасно! – настаивает она, повысив голос для вящей убедительности.

Кресса качает головой.

– Он тебя услышит.

Догнав девушек, Трасо грубо приказывает им пошевеливаться, и они дружно пересекают полную народа площадь. Компания моряков, вероятно, только что причаливших в порту, восхищенно присвистывает при виде Амары. Один из них жестами показывает, чего хочет. Она улыбается ему и опускает взгляд. Мужчины со смехом хлопают друг друга по плечам.

Дорога, ведущая вниз по склону, раскисла от дождя, превратившись в разбитую красно-желтую мозаику, отражающую ряды окрашенных зданий по обеим сторонам. Девушки глазеют на группу насквозь промокших носильщиков, плетущихся по колено в воде. Их удачливый груз надежно устроен высоко над водными потоками, за плотными занавесками паланкинов. Амара замечает дохлую собаку, застрявшую между двумя выступающими из воды камнями и удерживаемую на месте тяжестью стремительного потока. Утренний ливень неспособен смыть всю городскую скверну. Осторожно ступая по камням, девушки поворачивают влево, на узкую улочку, огибающую лупанарий. Здесь совсем негде развернуться, но редет и толпа.

В детстве Амаре не терпелось бы вернуться домой, укрыться от дождя, посидеть с матерью у жаровни, попивая горячее вино со специями, принесенное служанкой. Но зловещее здание лупанария несколько не походит на ее отчий дом. Вместо согревающих напитков ее ждет лишь ярость Феликса.

Они собираются перед зданием и плотно прижимаются к стене, чтобы спрятаться от ливня под нависающим балконом. Трасо выглядит почти таким же обеспокоенным, как девушки.

– Вы две! – Он показывает на Викторию и Амару. – В термах у вас было полно оправданий. Вот и объясняйте все хозяину.

Остальные проскальзывают в здание. Дидона встревоженно оглядывается через плечо. Виктория, склонив голову набок, прикасается к здоровой руке Трасо.

– Я расскажу Феликсу, как храбро ты дрался, – говорит она, глядя на него с такой обезоруживающей искренностью, что Амара почти ей верит. – Ты защищал его достоинство. Это дорогого стоит.

Гордость не позволяет Трасо поблагодарить шлюху, но он коротко кивает и переводит глаза на Амару, очевидно ожидая восхвалений и от нее. Не в силах выжать из себя ни единого льстивого слова, та мнетя под предостерегающим взглядом Виктории.

– Да, – в конце концов выдавливает она, кивая надсмотрщику. – Это правда. Ты настоящий смельчак. – От страха ее греческий акцент становится еще заметнее.

Трасо стучит в деревянную дверь, ведущую в расположенные над публичным домом покои Феликса. Им, хмуря сросшиеся брови, открывает неизменно мрачный Парис. Амара с порога улавливает запах скрытой под темной лестницей латрины[2 - Латрина – отхожее место. Прим. ред.]. Раньше она жалела одинокого юного Париса, разрывающегося между мытьем хозяйских полов наверху и обслуживанием клиентов лупанария внизу. Однако тот ничем не показывал, что желает общества и дружбы волчиц.

- Феликс, - говорит Трасо, нетерпеливо помахав молодому человеку.

- Он с клиентом, вам придется подождать. - Парис разворачивается и поднимается по лестнице.

Они следуют за ним на узкий крытый балкон, идущий вдоль покоев Феликса. Окружающий хозяйские комнаты коридор, подобно паутине, медленно увлекает посетителей все дальше, вместо того чтобы привести их напрямик в центр. До слуха Амары издали доносится незнакомый мужской голос. Ей удается различить всего одно слово: «заплачу». Парис жестом приглашает их в маленькую ожидальню.

Трасо тяжело опускается на скамью возле жаровни, почти не оставив места девушкам. Те кое-как присаживаются по обеим сторонам от него. С балкона проникает дневной свет, но также и холодный воздух. Огонь почти не дает тепла. Сердце бухает в груди Амары. Ей горько осознавать, что чуть дальше по коридору Феликс выжимает из какого-то бедного должника все до последней медяшки. Трасо зачарованно глядит прямо перед собой на язычки пламени у ног. Она чувствует исходящий от него страх.

Взгляд Амары упирается в стену. Никаких тебе резвящихся нимф и влюбленных: все покрывает черно-белый геометрический узор. Заостренные линии загибаются и переплетаются, образуя бесконечный головокружительный лабиринт.

Они сидят в молчаливом ожидании, и время тянется, как патока. Дождь усиливается, отчаянно барабанил по крыше. За всем этим шумом расслышать, закончил ли Феликс дела с клиентом, невозможно. Но вот мимо дверного проема шмыгает какой-то понурый человечек, и с лестницы доносится стук удаляющихся шагов. Никто не встает со скамьи.

Парис просовывает голову в дверь.

- Давайте, заходите.

Трасо поднимается и грузной поступью огибает раба. Амара и Виктория следуют за ним.

Глава 2

От нее несет бордельной сажей!

Сенека. Декламации, 1.2

Хозяин сидит за письменным столом в просторной, почти целиком красной комнате и не встает их поприветствовать. Если его и удивило их преждевременное возвращение, то он никак этого не показывает. Феликс вдвое уступает Трасо в весе, но вдвое превосходит его силой. Все его жилистое тело бугрится мускулами. Амара знает, что под складками его светлой тоги нет ни единого мягкого местечка. Его объятия не даруют даже иллюзорной нежности.

- Коротенькая получилась оргия, - говорит он. - Значит, богатенькие мальчики оказались скорострелами? Однако не сомневаюсь, что они заплатили вам вдвойне, - Феликс смотрит на Викторию. - Ты же за этим сюда пришла, правда, дорогая? Хочешь осчастливить меня заработанными денежками?

Он улыбается, но за его иронией чувствуется нескрываемая злоба. В комнате становится темнее. Амара не глядя понимает, что Парис только что закрыл дверь на балкон.

Виктория открывает рот, но ее перебивает Трасо.

- Все из-за Симо, - говорит он. - Симо предал нас...

– Он, должно быть, сговорился с Вибо, – подхватывает Виктория. – Все женщины Симо остались в бассейне, а нас прогнала какая-то старая хрычовка. Силой выволокла нас вон. Сказала, что так распорядился этот жирный слизняк Вибо! Никаких клиентов мы и в глаза не видели...

– Балбус тоже с ними заодно, – прерывает ее Трасо. – Я отметелил для тебя этого мелкого лживого...

– Если бы не Вибо, Трасо бы от него живого места не оставил! – говорит Виктория. – А Драука над нами насмеялась; я уверена, что она все знала...

Пока Виктория и Трасо захлеб тараторят, изо всех сил стараясь отвести от себя вину и отбрасывая ее по сторонам, будто дерьмо из латрины, Амара наблюдает за Феликсом. Становится ясно, что, если хозяин не вмешается, вскоре они начнут обвинять в случившемся друг друга. Феликс внимательно слушает их оправдания, и его гнев зримо нарастает. Будь Амара способна сделаться маленькой и незаметной, она бы с радостью превратилась в мышку.

– А ты чего молчишь? – Феликс резко поворачивается к Амаре, застигнув ее врасплох. – Неужто тебе нечего сказать? Так и собираешься стоять столбом?

– Все... все было так, как они описали, – с запинкой произносит она.

Феликс, исходя злостью, ждет, пока она добавит что-то еще. За его спиной алеют стены. Тишину нарушает лишь тяжелая дробь дождя. Амара понимает, что хозяин вот-вот взорвется. Если она не заполнит молчание, ничто не защитит ее от града ударов.

– Старуха выгнала нас из терм, – говорит она и, стараясь не смотреть ему в лицо, обращает взгляд на фреску позади его стола. Наверху, над черными плитами, изображены бычьи черепа. – Она называла твое имя. Ей нужны были только женщины, принадлежащие тебе. Мишенью этого оскорбления был ты один. – Виктория приглушенно ахает. Покосившись на испуганное лицо подруги, Амара быстро отводит глаза. – Не думаю, что за этим стоял Вибо. Какая ему выгода? – Никто не отвечает. Она продолжает, обращаясь к мешочку с монетами, лежащему на столе по правую руку от Феликса: – Должно быть, Симо его подкупил. Это единственное объяснение. Сейчас у него в термах все схвачено, и он, разумеется, не желает, чтобы количество женщин удвоилось, а прибыль

вдвое сократилась.

Дождь продолжается, а ее храбрость почти иссякла. Никто еще не пугал ее больше сидящего перед ней мужчины. Амара поднимает взгляд от стола. Обычно она избегает смотреть ему прямо в глаза, поэтому сейчас ее удивляет выражение внимания на его лице.

«Он слушает».

На единственное краткое мгновение она видит его насквозь. Этого достаточно.

– Не думаю, что тебе стоит наказывать Вибо, – говорит она, немного овладев голосом. – Он может быть полезен. Если его может подкупить Симо, то можешь и ты. Таким образом мы и заработаем в термах, и покажем, что от нас так просто не избавиться.

Феликс поднимает брови. Ей удалось его удивить. Амара пытается побороть страх, воображая, как он исходит от нее, подобно пару, и исчезает.

– Что же касается Симо, то ты запросто сможешь его проучить. Разве он не держит таверну? Возможно, она станет менее привлекательной для посетителей.

Выражение лица Феликса почти не изменилось, но она чувствует, что его гнев отступает.

– Ты многовато твякаешь для такой маленькой собачки, – говорит он и кивает на распухшую, окровавленную губу Трасо. – И как же ты расквитался за это с Балбусом?

– Я сломал ему нос.

– Надеюсь, это не единственное, что ты сделал.

Феликс встает с места, и обе девушки отступают назад. Трасо остается неподвижен. Хозяин щелчком пальцев подзывает к себе Викторию, и та со всех ног спешит к нему. Он смеривает ее оценивающим взглядом, проводит ладонями

по ее телу, ощупывает, поправляет ее одежды. Сейчас Феликс не мужчина, прикасающийся к женщине, а торговец, проверяющий свой товар. Он с силой шлепает ее по заду.

– Вы принесете мне столько же денег, сколько шлюхи Симо? Чего воды в рот набрали? – Он не глядя указывает в сторону Амары. – Эта девка уверяет, что да, а вот я что-то сомневаюсь. – Он берет Викторию за подбородок. – Чем вы сегодня занимались в бассейне? Пялились по сторонам, как крестьяне на играх? Просиживали свои плоские задницы?

Феликс удерживает девушку так крепко, что та не может даже покачать головой.

– Я видел Драuku. У этой шлюхи лучшая задница в Помпеях. А у тебя что? Разве это сиськи? – Он отпускает Викторию, отталкивая ее лицо. Она покачивается, но не падает. – Может, Симо и подмазал Вибо, но разве тот стал бы вас прогонять, если бы знал, что хоть одна из вас умеет трахаться не хуже Драуки? – Феликс вызывающе оглядывает своих рабынь, но те не смеют ответить. – Наш приятель Симо хвастает, что продает лучшие щелки. Поэтому вам... – Феликс тыкает пальцем в девушек, – надо показать ему, что это пустое бахвальство. Вибо будет трахать вас бесплатно, когда и как угодно, за счет заведения. И если после этого вы не станете его любимыми девочками, я буду знать, кто в этом виноват. – Амара поглядывает на Викторию, пытаясь угадать ее мысли, но лицо подруги непроницаемо, как маска. – Пошевеливайтесь, проклятые шлюхи! – кричит Феликс, заставив их обеих вздрогнуть. – Хочу, чтобы каждая из вас, ленивых потаскух, принесла мне по пять денариев. Остальным передайте, чтобы тоже не прохлаждались, а не то пожалеют!

Амара так спешит из комнаты, что в дверях едва не спотыкается о Париса, но Виктория все-таки оказывается быстрее. Они бросаются прочь по балкону и наперегонки сбегают по лестнице. Первой оказавшись у подножия, Виктория разворачивается и преграждает Амаре дверь на улицу. Едва не сбившись с ног от внезапной остановки и обжигающего гнева подруги, она опирается о стену.

– Ты что творишь? – шепотом напускается на нее Виктория. – Феликс бы позабыл о Вибо. Зачем ты попросила его отправить нас назад? Ты что, идиотка?

Девушки поневоле теснятся друг к другу у подножия вонючей темной лестницы.

– Подумай о деньгах, – шепчет в ответ Амара. – Подумай обо всех этих богачах! Не чета отребью, которое сюда ходит!

– С ума сошла? Чего ты себе навоображала? Что они заявятся в термы с мешками золота? Они ходят туда трахаться, а не искать невест! – Виктория возмущенно повышает голос. – А теперь нам придется улаживать Вибо!

Амара хочет объяснить, что пойдет на все, стерпит любое унижение, ухватится за любой призрачный шанс, лишь бы освободиться из лупанария.

Сверху доносится резкий окрик Париса:

– Чего вы там застряли?

– Уже уходим, – отзывается Виктория, распахивая дверь.

Они выбегают под дождь и через пару шагов снова оказываются под крышей.

Небо сумрачно и затянуто тучами, но в «Волчьем логове» еще темнее. Ставни в маленьких кубикулах[3 - Кубикула – спальня в римском доме. Прим. ред.] заперты, чтобы уберечься от сырости, а в воздухе висит густой запах благовоний и масляных ламп. Помещение, отведенное под лупанарий, ненамного уступает в размерах покоям Феликса, но Амаре оно кажется тесным, как гробница.

Фабия вычерпывает из латрины дождевую воду, чтобы нечистоты не хлынули через край. Смерд, неизменно стоящий в этом конце коридора, сегодня просто сбивает с ног. Мельком подняв взгляд, чтобы их поприветствовать, дряхлая женщина снова склоняется над дырой. До того как состариться, Фабия тоже была волчицей. В одной из этих кубикул она даже произвела на свет злополучного Париса. Фабия неспособна сполна отработать свой хлеб, но Феликс пока не выбросил ее на улицу.

– Что сказал хозяин? – спрашивает Кресса, выходя из кубикулы Бероники вместе с остальными девушками.

– Он собирается еще раз попытать удачи с Вибо, – говорит Виктория. – Хочет убедить его снова пустить нас в термы. Теперь этот вонючий ублюдок будет

приходить сюда, а мы должны расшибаться в лепешку, чтобы ему угодить. – Она складывает руки на груди, но, вопреки ожиданиям Амары, ни в чем не обвиняет ее при подругах.

– Вибо будет приходить сюда? – переспрашивает Бероника. – Быть не может!

– Разве он настолько ужасен? – спрашивает Амара. Если она и получила какое-то удовлетворение, подав совет Феликсу, то оно стремительно улечивается.

– А вы его еще не обслуживали? – спрашивает Кресса. Амара и Дидона качают головами. – Он настоящее чудовище. В прошлый раз чуть меня не задушил. – Она подносит ладонь к горлу, словно вспоминая его пальцы вокруг своей шеи.

Амара с раскаянием смотрит на Викторию.

– И это еще не все, – говорит та, оставив без внимания ее взгляд. – К завтрашнему дню каждая из нас должна принести нашему чудесному хозяину по пять денариев.

Кресса стонет.

– Может, он пошутил? – с надеждой спрашивает никогда не понимавшая юмора Бероника.

– Какие уж тут шутки, – отвечает Виктория. – Поверьте моему слову, он был не в настроении веселиться.

– Нам ни за что не собрать такие деньжищи! – стонет Бероника.

– Придется постараться. – Кресса переводит взгляд на Фабию, которая по-прежнему опустошает латрину. – В такую погоду самой Венере будет непросто подцепить мужчину.

– Я не собираюсь выходить на охоту на голодный желудок, – говорит Виктория. – Давайте начнем с «Воробья», перекусим, а там, может, и дождь перестанет.

Все пять женщин принимаются тушить лампы, оставив лишь пару светильников. Таким образом они берегут масло и избегают лишнего дыма. Из-за постоянной спертой духоты недавно купленные Феликсом картины – бесконечные сцены любовных утех, висящие под потолком, – уже покрылись сажей. Постель изображенной над кубикулой Амары женщины, отдающейся по-собачьи, пересекает новая закопченная тень. Девушка наклоняется, чтобы погасить горящую под картиной глиняную лампу. Как и все прочие лампы в лупанарии, она выполнена в форме пениса, на кончике которого теплится пламя. К нескольким светильникам прикреплены крохотные глиняные человечки, выставляющие напоказ громадные пылающие фаллосы. Феликс находит эти лампы забавными: по его словам, они помогают посетителям настроиться на нужный лад. Амара их ненавидит. Можно подумать, им не хватает членов.

Главный вход в лупанарий, расположенный точно напротив «Слона», охраняет Галлий, вольноотпущенник Феликса. Высокий и широкоплечий, он превосходит Трасо внешностью, будучи столь же жестоким в драке. Когда подруги пытаются выйти на улицу, он хватается Беронику за руку.

– Погодите, – говорит он. – Нельзя уходить всем сразу. Одной из вас придется остаться. Вдруг явится клиент?

– Неужели так трудно зайти за нами в «Воробья»? – спрашивает Виктория. – Это же прямо через дорогу.

– Нет, – отвечает Галлий. – Распоряжения Феликса вам известны. – Он подталкивает Беронику внутрь. – Давай, возвращайся.

– Вот гаденыш, – сквозь зубы бормочет Виктория, когда девушки торопливо минуют тротуар. – Надо будет принести ей что-нибудь из съестного.

– И Фабии тоже, – говорит Кресса. – Она совсем отошала.

Эта жалкая старуха, из последних сил цепляющаяся за существование, кажется девушкам предвестницей их собственного мрачного будущего. Амара подозревает, что Крессе, которая на несколько лет старше остальных, особенно мучительно наблюдать за судьбой Фабии.

Даже в столь ранний час из трактира напротив доносится громкий шум. На его внешней стене красуется гигантская пестрая фреска с изображением слона, окруженного пляшущими пигмеями и обвитого змеями, символизирующими удачу. Под вывеской начертана самодовольная похвальба: «Ситтий вернул слона!» Женщины Феликса, не останавливаясь, проходят мимо. Подцепить клиентов можно и в «Слоне», однако Ситтий не только отпускает еду и вино, но и сдает комнаты. В такое ненастье его гости скорее уединятся наверху с женщинами, работающими в трактире, чем потащатся в лупанарий под дождем.

Всего в нескольких шагах от «Слона» виднеется мокрая, потемневшая от дождя вывеска с едва различимой птичкой, усевшейся на украшенный цветами двусмысленный девиз: «Будьте довольны, как этот воробей!» Булыжная мостовая пустой маленькой площади белесо поблескивает от ливня. Когда Амара впервые попала в Помпеи, весь тротуар занимали выпивохи: кто-то стоя беседовал, кто-то выводил надписи на стене. Она видела здесь и граффити, посвященные Феликсу, и даже критические обзоры их лупанария. Во многих надписях упоминалась Виктория. Хорошо это или плохо, но о самой Амаре ничего не писали.

Девушки поспешно скрываются в таверне и топают по полу, отряхиваясь от дождя. Виктория ленивой походкой приближается к стойке. Облокотившись на мраморную столешницу, она расстегивает плащ и спускает с плеча краешек желтой тоги. Со стороны углового стола доносится свист.

– Доброе утро, дамы! Трудитесь на износ? – приветствует девушек Зоскалес, владелец таверны. На его шее висит тряпка, лицо сияет от пота.

Задняя стена заведения от пола до потолка заставлена кувшинами с вином, так что Зоскалес едва помещается за стойкой, но Амара ни разу не видела, чтобы он что-нибудь сшиб. Она понятия не имеет, что привело его в Помпеи из невообразимо далекой Эфиопии. Сам он часто шутит, что ему указывала путь супружеская любовь. Амара почти никогда не видит его задерганную жену в таверне, зато часто встречает ее на улице с тремя непослушными маленькими детьми. Она вовсе не похожа на соблазнительную сирену, заманившую своего мужчину с другого конца света.

– Если бы, – говорит Виктория. – Кто-нибудь здесь хочет поразвлечься?

– Уверен, за желающими дело не станет, – отвечает Зоскалес. Посетители таверны всегда составляли немалую часть клиентов лупанария. – Распоряжусь, чтобы Никандр подал вам горячее вино и жаркое.

Подруги пробираются к свободному столу рядом с двумя свистунами. Амара ощущает укол страха. В родном городе она бы перешла улицу, чтобы не столкнуться с подобными мужчинами, а мать, несомненно, потащила бы ее вперед, шепотом призывая опустить взгляд. Запятнанная, потрепанная непогодой одежда выдает в мужчинах бродячих торговцев. Оба они уже успели напиться. У того, что сидит ближе к девушкам, не хватает четырех передних зубов. Густая кудрявая борода его спутника умащена дешевым маслом, чтобы скрыть седину.

Амара садится на скамью у стены, где к ней присоединяется Дидона. Виктория пытается подтянуть к столу табуреты для себя и Крессы, но щербатый мужчина хватается ее за запястье.

– Почему бы тебе не устроиться здесь? – Он раздвигает ноги, хлопая себя по колену. На его губах пузырится слюна. Его спутник хрюкает от смеха.

– Надеюсь, вы не докучаете дамам? – как бы невзначай спрашивает вовремя подоспевший Никандр и намеренно проходит с подносом между столами, вынуждая мужчину отпустить добычу.

– О нет, они нам вовсе не мешают. – Виктория ласково улыбается пьяному развратнику. Сядь, она раскрывает плащ, мельком показывая длинные бедра, и быстро прикрывает колени. Она снова улыбается мужчине, и тот, побагровев, тарасится на нее. «Первая рыбка попалась», – думает Амара.

Никандр ставит перед Дидоной жаркое из фасоли.

– Ты выглядишь замерзшей, – говорит он.

– На улице так мокро, – отвечает она.

– Надеюсь, это тебя согреет. – Он медлит у стола девушек в надежде, что она скажет ему еще хоть пару слов. Амара уже не впервые с нежностью замечает,

каким взглядом Никандр смотрит на Дидону и как он тревожится, когда к ней приближается какой-нибудь агрессивный клиент.

– Никандр! – ревет через всю таверну Зоскалес. – Вино само себя не подаст!

Дидона склоняет голову над тарелкой. Соблазнительница из нее никудашная. Всего несколько месяцев назад она была благовоспитанной девушкой из маленького пригорода Карфагена и никогда не покидала дома с непокрытой головой. Отец уже подыскал Дидоне жениха, и, казалось, ей была уготована замкнутая жизнь матери и супруги. У Амары сжимается сердце. Она попала в рабство раньше подруги, но еще не забыла, как мучительно было лишиться свободы.

– Вы не из Помпей, – говорит Виктория торговцам. Она быстро поглощает свое жаркое, вытирая ободок тарелки ломтем хлеба и не упуская из виду потенциальных клиентов.

– Вы прибыли морем? – спрашивает Кресса. – Я всегда мечтала о морских путешествиях. – Она отхлебывает вино, смотря на бородача так, словно сам Посейдон вышел на сушу, чтобы удостоить визитом простых смертных.

– Нет. Мы приехали из Поццуоли, – отвечает тот. – Мясом торгуем. В основном козлятиной.

– Готов поспорить, ты охоча до мяса, – добавляет его спутник, тыкая пальцем в ногу Виктории. Между его скривившимися в ухмылке губами тянется нитка слюны.

Виктория смеется, мило прикрывая рот ладонью, как будто он отпустил удачную остроту. Амара старается сдержать гримасу отвращения. Вечно одно и то же. Почему мужчины всегда так пошло шутят с проститутками? Эта парочка вот-вот начнет хвастать размерами своих причиндалов.

Беззубый мужчина снова хлопает себя по колену, и на сей раз Виктория не пренебрегает приглашением. Кресса делает щедрый глоток вина, опустошает чашу до дна, встает и обвивает руками его спутника. Виктория покрепче прижимается к тяжело дышащему беззубому, благоразумно не позволяя ему слишком распускать руки. Снисходительность Зоскалеса не безгранична.

Бородач целует Крессу, но та отстраняется, чтобы украдкой отхлебнуть еще вина, на сей раз из его чаши. Возможно, желая пошутить, мужчина отпускает ей такую увесистую пощечину, что вино брызгает изо рта девушки ей на грудь.

– Грязная маленькая волчица, – говорит он.

Кресса быстро переглядывается с Викторией, и та, наклонившись к своему ухажеру, шепчет что-то ему на ухо. После небольшого промедления мужчины пошатываясь встают, и все четверо покидают таверну.

– Впечатляющая скорость, – произносит Никандр, подошедший забрать тарелки и бокалы. – Даже для Виктории. – Он снова перешел на родной для них с Амарой греческий язык. Дидона тоже понимает по-гречески, но Никандр, похоже, не осознает, что в краях девушки говорят не на греческом, а на пуническом языке.

– Феликс велел каждой из нас заработать сегодня по пять денариев, – отвечает Амара.

Никандр морщится.

– С чего бы это?

– Утром нам не повезло в термах.

– Жаль это слышать, – говорит он, поглядывая на Дидону, которая до сих пор не произнесла ни слова. – Надеюсь, вас никто не обидел?

Дидона качает головой. Никандр улыбается ей, прежде чем вернуться на кухню со стопкой грязных тарелок.

Амара осматривает помещение в поисках потенциальных клиентов. Трое мужчин, поглощенных игрой в кости, не обращают на нее ни малейшего внимания, одинокий выпивоха за стойкой хмурится, когда ей удается поймать его взгляд. В обеденное время всегда туго с клиентами. Виктории и Крессе повезло найти мужчин.

– Ну что, придется двигаться дальше? – спрашивает Дидона, уныло ссутулив хрупкие плечи.

– Утром я видела в форуме гуляющих моряков, – говорит Амара. – Да и дождь почти прекратился. Уверена, нам не придется долго бродить по городу.

Дидона смотрит на нее потемневшим взглядом. Если не поостеречься, в ее полных глубокого горя глазах можно утонуть, но Амара ни за что не позволит себе настолько потерять самообладание. Она встает и протягивает подруге руку с выдержкой и уверенностью, принадлежащими ее прошлой жизни.

Глава 3

Все остальные животные получают удовлетворение от спаривания; человек – почти никакого.

Плиний Старший. Естественная история

Улицу оглашают громкие звуки убажывающей беззубого мужчину Виктории и его стоны наслаждения. Именно по этой причине, зная, что Виктория станет хорошей рекламой, привлекающей прохожих в его заведение, Феликс и выделил ей комнату возле главного входа. Галлий со скучающим видом восседает у стены.

– Можешь передать это Беронике и Фабии? – спрашивает Амара, протягивая ему половину маленькой буханки. – Мы собираемся попытаться удачи в форуме.

– Ладно. – Галлий засовывает хлеб в складку плаща, и ей остается лишь надеяться, что он не съест его сам.

После ливня воздух посвежел, однако узкая дорога стала походить скорее на канал. Амара и Дидона ступают осторожно, придерживая плащи, чтобы не замочить их полы в лужах. Зимой их профессию сложно определить по внешнему виду. Под теплыми плащами они носят тоги, в которые дозволено одеваться лишь мужчинам и проституткам. Прежде Амара чувствовала себя

обнаженной, если не была с головы до ног укутана тканью, но ходьба по скользким тротуарам требует проворства, и она почти радуется, что ничто не стесняет ее движений.

Когда девушки достигают виа Венерия – широкой главной улицы, ведущей к форуму, – путь становится легче. Теперь можно идти не гуськом, а плечом к плечу. Амара берет Дидону за руку и нежно сжимает ее ладонь.

– Нельзя все время смотреть себе под ноги, – говорит она. – Понимаю, это тяжело, но мы должны привлекать мужское внимание, а не избегать его.

– Знаю, – отвечает Дидона. – Но это очень сложно.

– А вот и нет. Твое лицо делает за тебя половину работы. Ты самая красивая женщина в Помпеях.

Амара никогда не встречала никого очаровательнее Дидоны. Беда в том, что ее очарованию свойственна необычайная хрупкость, вызывающая в памяти Амары прелестную стеклянную статуэтку богини Афины. Родители держали эту бесценную фигурку на высокой полке, до которой не могла дотянуться маленькая Амара.

– Я ненавижу свою красоту, – говорит Дидона. – Ненавижу, когда на меня тарачатся мужчины. Ненавижу, когда... – Она умолкает на полуслове. – Наверное, однажды я ко всему этому привыкну.

– Нет. Просто терпи. Нельзя к такому привыкать.

Они проходят мимо ювелирной лавки и на минуту останавливаются полюбоваться граненым хрусталем и камнями.

– Моя мать носила такой же, – говорит Дидона, показывая на один из камней.

– Красный?

– Да. Он был на ней, когда я видела ее в последний раз.

Дальнейшая история Амаре уже известна. Родной город Дидоны разграбили пираты, похищавшие людей и продававшие их в рабство. Дидону вместе с младшей кузиной похитили, а ее дядю, пытавшегося защитить их, убили. Ее кузина погибла, не перенеся морского путешествия из Карфагена в Поццуоли. В их первую встречу и Дидона, и Амара, выстроенные бок о бок на невольничьем рынке, были совершенно одиноки. Как бы ей ни хотелось утешить подругу, сказав, что, возможно, когда-нибудь она снова увидит свою мать, сама Амара в это не верит.

Они мешкали слишком долго. Лавочник выходит к девушкам, уговаривая их померить нитку дешевых бус, и оскорбляется их отказом. Они торопливо поднимаются по холму к форуму. Здесь царит еще большая сутолока, чем с утра. Оборотистые уличные торговцы уже успели снова установить лотки после дождя. Амара подводит Дидону к одной из широких колоннад, огибающих площадь.

– Просто улыбайся всем, – говорит она. – Представь, что ты Драука.

– Так вот в чем твой секрет? Ты притворяешься другим человеком?

– Я и есть другой человек. На самом деле меня зовут не Амара, а тебя – не Дидона.

Они медленно, рука об руку, идут по ярко расписанной галерее. Как бы Амара ни храбрилась, ее сердце бешено колотится. Никто не обращает на них особого внимания. Дорого одетые мужчины, должно быть, встретившиеся, чтобы обсудить предстоящие выборы, проходят мимо, не замечая их, словно невидимок. Игнорируют их и лоточники, слишком занятые собственной торговлей. В это время дня им некогда покупать предоставляемые девушками услуги. Не смутившись неудачей, Амара предлагает еще раз обойти площадь.

Теперь они идут медленней и чаще останавливаются. Амара смотрит всем в глаза, безотчетно держась скорее с самоуверенностью, свойственной молодым мужчинам, чем с кокетством. Дидона изредка отваживается на застенчивую улыбку. С виду они не походят ни на проститутку, ни на добропорядочных женщин, однако на сей раз у них получается привлечь несколько любопытных взглядов. Подруги задерживаются у лотка с кожаной обувью, вдыхая резкий запах свежедубленных шкур. Продавец демонстрирует мягкость пары сандалий,

перекручивая в пальцах ремешки. Какой-то мужчина начинает торговаться. Еще один – возможно, его друг – дожидается рядом. Амара слегка, будто случайно, задевает его плечом. Он поднимает взгляд и не отрывает его от Дидоны, которой каким-то чудом удается не опустить глаза. На мгновение Амаре кажется, что он увидит их насквозь и поймет, что они всего лишь две напуганные девушки, которые понятия не имеют, что делают. Однако он воспринимает их иначе. Обнадеженный тем, что Дидона не отошла прочь, мужчина наклоняется к ней.

– Пожалуй, такая обувь слишком груба для твоих прелестных ножек.

– Нам не придется идти далеко, – отвечает Амара. – Всего-навсего до соседней улицы. – Она со значением заглядывает ему прямо в глаза. – Почему бы тебе и твоему спутнику к нам не присоединиться?

Мужчина, стоящий всего в шаге от них, просовывает ладонь под плащ Дидоны. Девушка, оцепенев, до боли сжимает руку Амары. Той приходится напрячь всю волю, чтобы не вlepить ему пощечину. Ее останавливает мысль о том, что сделает с ними Феликс, если завтра они не смогут принести ему ни медяка.

– Хватит! – резче, чем следовало бы, говорит она. Мужчина удивленно отдергивает руку. Она криво, принужденно улыбается. – Щупать товар разрешено только покупателям.

Мужчина смеривает их взглядом.

– Как-нибудь в другой раз, дамы, – отвечает он и поворачивается к ним спиной.

Они отходят от кожаного лотка. На сей раз уже Амара цепляется за Дидону, чувствуя, что у нее вот-вот подогнутся колени.

– Хочешь присесть? – спрашивает Дидона.

Она качает головой.

– Может, оно и к лучшему, – продолжает Дидона. – Он сразу показался мне каким-то подозрительным.

– Зря я позволила ему тебя лапать, – говорит Амара. – Надо было его послать.

К ее удивлению, Дидона заливается смехом.

– Недолго бы мы протянули с таким зазывом! «Ну-ка, валите все куда подальше!» Вот так подкат!

Дидона смеется так заразительно, что вскоре они обе уже трясутся в истерике, стараясь не расхохотаться на всю площадь. Они раскачиваются из стороны в сторону, хихикая, как девчонки, и ухватившись за колонну, чтобы не упасть, и на несколько мгновений презрительные взгляды прохожих теряют всякое значение.

Наконец они успокаиваются и выпрямляются.

– Пошли, – говорит Амара. – Охота не ждет.

Теперь они шагают с большей уверенностью, и Дидоне даже не нужно выдавливать улыбку. Мужчины и не догадываются, что она смеется над ними. Девушки останавливаются рядом с компанией, играющей в кости возле арочного прохода в крытый закусочный дворик. В воздухе висит густой запах мяса и специй. Подруги наблюдают за игрой из-за спин мужчин.

– Хороший бросок, – произносит Амара, когда один из них выбрасывает шестерку и сгребает к себе горстку монет. Друг хлопает везунчика по плечу.

Игроки, судя по всему, разделившись на две команды и похожие на приезжих торговцев, спорят из-за денег на всевозможных языках и с самыми разнообразными акцентами. Амара и Дидона постепенно придвигаются к побеждающей команде, притворяясь увлеченными игрой и стараясь снискать расположение потенциальных клиентов. Те передают по кругу фляжку с вином, и Дидона делает небольшой глоток.

– Брось за нас. – Один из мужчин тянет Амару за руку. – Давай, бросай.

Побеждающие пребывают в отличном настроении. После игры им нужно будет где-то потратить деньги.

Амара опускается на корточки и берет кости.

– За Венеру, – говорит она, искоса поглядывая на позвавшую ее команду. Она выбрасывает пятерку, превзойдя тем самым команду соперников. Мужчины раздражаются одобрительными возгласами.

– Не считается! – с перекошенным от гнева лицом восклицает один из проигравших, глядя, как жадные чужие пальцы загибают его последние несколько монет. – Нельзя просить шлюх, чтоб они бросали вместо вас.

– Шлюх можно просить о чем угодно, – парирует Амара. – В этом вся соль.

Ее новые друзья покатываются со смеху. Один из них обнимает встающую Амару за талию, но ворчуну не до смеха.

– Изворотливая греческая проходимка, – злобно выплевывает он.

Проигравший собирает оставшиеся деньги, взмахом руки призывая товарищей последовать его примеру. Они поспешно удаляются, и девушки остаются в обществе победителей. Внимание пятерых мужчин обращается от азартных к любовным играм. Сердце Амары ускоряет бег. Она предпочла бы не оказываться в меньшинстве.

– Помпеи принесли вам удачу, – произносит Дидона и слегка склоняет голову набок, очевидно, подражая Виктории. – Вы не пожалеете, отдав должное Венере в ее собственном городе.

– Ты из Африки, – говорит один из мужчин, заметив ее акцент.

– Владения Венеры широки, – отвечает Амара. – А дорога к ее дому коротка, и вы могли бы к нам присоединиться.

Мужчина, предложивший ей бросить кости, по-прежнему крепко обхватывает рукой ее талию и мнет пальцами ее живот. Пожелай шайка взять желаемое, не заплатив, они с Дидоной окажутся не в силах защититься. Закусочный дворик еще восстанавливают после землетрясения, и там, где строительные работы приостановили, найдется более чем достаточно безлюдных арок.

Дидона отходит в сторону.

- У нас есть три очаровательные соседки, - говорит она. - Пять женщин! Какое счастливое совпадение! Вам стоило бы отметить победу с нашими подругами; богиня любви заслуживает благодарности.

Мужчины переглядываются, возможно, опасаясь, что обольстительницы заманят их в воровской притон.

- Вы могли видеть наш дом, - подхватывает Амара. - Мы живем рядом со «Слоном».

- «Волчье логово»! - смеется один из них. - Нас приглашают в городской лупанарий!

- Так вот ты кто? - Мужчина, обнимающий Амару, ослабляет хватку и поворачивает ее лицом к себе. - Маленькая греческая волчица?

Кожа на его загорелых щеках потрескалась от ветра, а нижнюю часть подбородка пересекает шрам, вероятно, оставленный ударом ножа. Она понимает, что этот человек не чужд насилия, как, впрочем, и остальные его спутники. Амара решает снова попытаться удачи. Легко поцеловав мужчину в губы, она отталкивает его и шаловливо отстраняется.

- Все мы, волчицы из Греции, Карфагена, Египта и Италии, почитаем Венеру Помпейскую, - говорит она через плечо, поманив его пальцем.

Дидона торопливо подходит к ней, и они рука об руку направляются по галерее в сторону виа Венерия. Мужчины не отставая следуют за ними.

- Нужно поторопиться, - шепчет Дидона с круглыми от страха глазами.

- Не беги, - отвечает Амара.

Она снова оглядывается через плечо, улыбаясь мужчине, который только что сжимал ее железной хваткой. Он и другие игроки в кости, разгоряченные азартом погони, кажутся взбудораженными скорее от возбуждения, чем от

гнева.

Они минуют лавки и роскошные дома на виа Венерия. Дорога по-прежнему затоплена. Один из пяти игроков – низкорослый крепыш в заплатанном плаще – хватается Дидону и делает вид, что собирается бросить ее в воду. Она вскрикивает. Его друзья раздражаются громовым смехом. Приближается запряженная мулом повозка, и мужчина ставит девушку на землю. Амара хватается ее за руку и тащит за собой.

Никогда еще она не была так счастлива, услышав галдеж пьяных посетителей «Слона». Завернув за угол к лупанарию, она едва не падает к ногам Галлия от облегчения. Тот собирает плату с пяти приведенных девушками клиентов. Переступив порог, Амара опускает взгляд на его левую руку в ожидании условного знака. Три пальца – на месте всего три женщины. У нее сжимается сердце.

Бероника, окутанная дымом масляных ламп, дожидается в коридоре.

– А вот и Египет! – кричит коротышка, грубо хватая ее за бедра. – А где остальные две?

– Сейчас будут, – отвечает Амара, обвивая руками мужчину со шрамом на подбородке. – Фабия их приведет.

Старуха шмыгает мимо нее, пряча лицо под капюшоном, и выскакивает на улицу.

– Проклятие, вы обещали пятерых! – в ярости возмущаются двое торговцев, которым не хватило женщин.

Клиент Амары уже стянул с нее почти всю одежду и подталкивает ее к пустой кубикле. Оторвавшись от ее губ, он берет одного из своих разозленных спутников за грудки и притягивает к себе.

– Кончайте жаловаться! Вы же знаете, я умею делиться.

Амара лежит спиной на жесткой каменной кровати. В ее ушах стоит ужасный звон, в висках стучит кровь. Ее душит запах чужого мужчины, схватившего ее еще крепче, чем в фортуме. Девушка не может ни прекратить его мерных движений, ни руководить ими. Она тонет.

Чтобы унять невыносимую панику, Амара сосредоточивается на закрывающей вход занавеске и приказывает себе считать ее складки, пока он не кончит. Внезапно обзор ей загораживает второй мужчина. С искаженным похотью лицом он хватает ее за бедро, не давая вырваться. Она не может кричать. Не может дышать. Ужас выдавливает воздух из ее легких. А потом занавеска отдергивается. В комнату проскальзывает Кресса.

- Нет нужды ждать, - шепчет она, нежно запустив пальцы в волосы второго мужчины.

- Я хочу эту. - Он отталкивает ее, показывая на Амару.

Кресса встает между ними.

- Нет, не хочешь.

Кресса кладет ладони ему на бедра, привлекая его к себе. Он вяло упирается, но, не устояв перед соблазном ее обнаженного тела, позволяет Крессе увести его прочь. Уходя, она с нездешней добротой оборачивается на Амару, согревая ее теплым взглядом в темноте.

На глазах Амары выступают слезы. Мужчина со шрамом на подбородке тяжело падает на нее. Он кончил. Несколько мгновений она лежит, полураздавленная его весом, но потом он приподнимается на локтях и отходит от кровати. Не в силах сдержать рыдания, Амара подтягивает колени к животу. На миг мужчина задерживает на ней взгляд, полный отвращения. Амара не смогла бы сказать, кого он презирает больше - ее или себя. Он без единого слова выходит из кубиккулы.

Не отвергай же того, кто умеет любить без измены,

Кто с постоянством тебе долгие годы служил[4 - Пер. С. В. Шервинского.].

Овидий. Любовные элегии, книга I, часть 3

Ночью лупанарий превращается в царство Аида: бесконечная череда пьяных мужчин, дым, сажа, громкая брань, звон бьющейся посуды, всхлипы Дидоны, едкий запах настойки, которой подмывается Виктория, дребезжащий храп Бероники. В поздний предутренний час, когда даже самые блудливые помпейцы не рискуют покинуть дома в поисках утех, Амара, душимая гневом, в одиночестве лежит без сна в своей темной кубикуле.

На следующий день девушку будит пение Виктории. Ее ясный низкий голос, полный надежд и жизнерадостности, звучит подобно музыке сфер. Амара садится в кровати.

- Нельзя хоть раз дать нам выспаться? - кричит Бероника.

- Только гляньте, какое солнце! - отзывается Виктория. - Кажется, будто сегодня праздник Флоры!

Амара с невольной улыбкой сбрасывает ноги с кровати и укутывает плечи покрывалом. Бероника и Кресса уже зевают и потирают глаза в коридоре. Все три девушки направляются в кубикулу Виктории. У порога Амара поднимает взгляд на изображенную над ее дверью женщину, оседлавшую любовника. Эту картину Феликс распорядился написать в подарок своей самой усердной шлюхе.

- Ты нас разбудила! - говорит Бероника.

Виктория уже одета и укладывает свои кудри, водопадом ниспадающие на плечи. При виде нее невозможно подумать, что она всю ночь не смыкала глаз, ублажая распутников и стараясь никому не попасть под горячую руку. Ее взгляд сияет в предвкушении нового дня. Амара никогда не встречала женщин, подобных Виктории.

- Где Дидона? - спрашивает та. - Не могла же она не проснуться от ваших криков и жалоб!

Вчетвером они отправляются в кубикулу Дидоны. Та лежит на кровати лицом к стене. Кресса садится рядом, наклоняется и целует ее в лоб. Амара и Никандр не единственные, кто опекает самую юную волчицу Феликса.

- Милая, уже утро, - говорит Кресса.

Дидона садится. Ее лицо промокло от слез, а глаза покраснели. Кресса обнимает ее и гладит по спине.

- Они плохо с тобой обходились? - спрашивает она.

- Один из них расколотил все лампы, - отвечает Дидона, показывая на горку сметенных в угол черепков. - Он меня ужасно напугал.

- Жалкое, паршивое ничтожество. - Голос Крессы подрагивает, и на мгновение Амаре кажется, что подруга даст волю слезам.

Виктория без промедления садится по другую сторону от Дидоны.

- Не расстраивайся ты из-за какого-то Чесночного Бздун, - с улыбкой произносит она.

- Какое дурацкое имя, - с сомнением говорит Бероника. - Не может быть, чтобы его так звали.

- Придется тебе поверить! - с серьезным лицом настаивает Виктория. - Это же тот самый Чесночный Бздун, что держит закусочную неподалеку от терм!

- От него и правда дурно пахло. - Дидона немного приободряется и начинает ей подыгрывать.

- Еще бы! Чесноком и пердежом, - кивает Виктория. - Да, это определенно он. Чесночный Бздун.

- А я и не знала, что его так зовут, - озадаченно говорит Бероника. - Я думала, его зовут Манлий.

- Конечно, его зовут Манлий, тупица! – фыркает Кресса.

Все смеются. Улыбается даже сама Бероника. На миг Амара задумывается, уж не нарочно ли она прикидывалась дурочкой.

- По-моему, надо начертать ему вразумление на стене, – говорит Виктория. – На случай, если он еще вернется. – Она наклоняется и протягивает Амаре глиняный черепок. – Что бы такого написать? А, знаю! «Засаживай медленно!»

- Хочешь, чтобы я написала по-гречески? – спрашивает Амара.

- С какой стати? – возражает Виктория. – Мы ведь хотим, чтобы вонючий придурок это прочитал!

Амара выцарапывает на стене надпись. Остальные любуются на дело ее рук с довольными усмешками.

- А знаете, кто и вправду медленно засаживает? – с хитрецей спрашивает Бероника и умолкает, дожидаясь их безраздельного внимания.

- Ну, выкладывай, – говорит Кресса. – Кто же этот Аполлон?

- Галлий! – Бероника расплывается в счастливой улыбке. – Я его обожаю.

- Галлий?! – ужасается Виктория. – Да он же кошмарен в постели!

- Ты с ним даже не спала! – уязвлено возражает Бероника и вглядывается в смущенные лица подруг. – Или спала?

- Мы все с ним спали, душенька, – ласково говорит Кресса.

Бероника заливается румянцем.

- Ну и что, любит-то он меня. Он обещал, что когда-нибудь меня выкупит. Он меня любит! Он на мне женится, и мне никогда больше не придется этим заниматься. Когда вы ходили в город ловить клиентов, мы провели вместе целый

час. Он добрый, любящий, нежный и заботливый. Он даже спрашивал, чего я хочу!

Амаре тяжело представить недалекого Галлия героем-любовником. Ей хочется спросить, отдал ли он Беронике вчерашний хлеб, но она боится, что ответ окажется слишком болезненным.

– Бероника... – Виктория предостерегающе понижает голос. – Надеюсь, ты не давала ему бесплатно?

Воцаряется молчание. Бероника, надувшись, прячет глаза.

– Идиотка! – вскидывается Виктория. – А если Феликс узнает? Нельзя целыми днями кувыркаться с Галлием задарма! Он должен платить Феликсу. Этот ублюдок водит тебя за нос! Он тебя использует!

– Он не хочет платить, потому что копит деньги на мой выкуп! – оскорбляется Бероника. – Да и кто выдаст нас Феликсу? Надеюсь, не вы!

– Разумеется, никто из нас ничего ему не скажет, – успокаивает ее Амара. – Но ты точно уверена, что Галлий тебя не обманывает?

– Он меня любит, – упрямо повторяет Бероника. – Он сказал, что никогда не встречал никого добрее меня, что только со мной он может говорить по душам, потому что я умею слушать и он мне на самом деле небезразличен.

Виктория закатывает глаза.

– Почему ты вечно должна все очернить и извратить? – напускается на нее Бероника. – Не тебе осуждать мой вкус в мужчинах, – ядовито добавляет она, к изумлению Амары.

Кресса вмешивается, прежде чем Виктория успеет вступить в перепалку.

– Никто не пытается омрачить твоё счастье, – отвечает она Беронике. – Мы просто хотим, чтобы ты берегла себя. Вот и все.

Бероника хмуро отворачивается, держась за свою обиду.

Кресса одними глазами показывает Виктории на Беронику, призывая ее сделать шаг к примирению. Виктория вздыхает.

– Разумеется, мы будем рады, если Галлий тебя любит, – говорит она. – Но тебе надо брать с него деньги. Он обкрадывает Феликса! Сама понимаешь, это слишком рискованно. Как для него, так и для тебя.

У Бероники вытягивается лицо.

– Это так на него похоже, – произносит она. – Он подвергает себя опасности ради меня.

Услышав еще хоть слово о героизме Галлия, Виктория может взорваться, но Кресса вовремя меняет тему.

– Кто-нибудь знает, сколько мы заработали этой ночью?

– На смену у двери заступил Трасо, – отвечает Виктория. – Я разговаривала с ним перед сном. По последним подсчетам, мы собрали больше шестнадцати денариев.

– Какое облегчение! – говорит Амара с мыслью о Феликсе. – Недобор не так уж и велик.

– Да, но надо еще потратиться, чтобы заменить вот это. – Дидона показывает на разбитые лампы.

Кресса, наклонившись, оглядывает горку расколотых глиняных фаллосов.

– Тут не меньше трех.

– Четыре, – уточняет Дидона.

– Придется самим за них расплатиться, – говорит Виктория. – Нельзя просить денег у Феликса после вчерашнего.

Амара чувствует, что снова погружается в ночной мрак. Жалкого довольствия, которое выдает им Феликс, едва хватает на еду, особенно если они скидываются на нужды Фабии. Такими темпами ни одной из них никогда не удастся накопить на свободу.

– Ничего не поделаешь, – произносит Виктория, словно прочитав ее мысли. – Мы всё восполним.

Амара смотрит на выцарапанную ими надпись. «Засаживай медленно!» Теперь она уже не кажется забавной.

Кресса встает.

– Пора идти в термы. Надо привести себя в порядок, если мы не хотим, чтобы от нас весь день несло мужской вонью.

Омовение в женских термах – ежеутренний ритуал проституток. Амара подозревает, что она не единственная из девушек, для кого оно является не только физическим, но и эмоциональным очищением.

– Я могу остаться, – предлагает Виктория. – А одна из вас пусть сходит за лампами.

– Я схожу, – вызывается Амара после недолгого молчания.

Ей хочется помыться не меньше, чем остальным, но она в долгу перед Крессой за вчерашнее спасение, Дидона перенесла кошмарную ночь, а Бероника накануне почти весь день была заперта в четырех стенах. Правда, принимая во внимание ее роман с Галлием, это, возможно, не было с ее стороны таким уж большим самопожертвованием.

– Возьми мои сбережения, – предлагает Кресса. – Расходы поделим, когда вернешься.

Выйдя в коридор, они сталкиваются с подметающей пол Фабией. Амара в который раз задается вопросом, где бедняжка провела ночь. Ей уже случалось видеть, как эта старушка калачиком спит на заднем крыльце, закутавшись в один лишь плащ. Фабия улыбается четверем волчицам.

– Ну разве не красавицы? – произносит она и помогает им причесаться. Хотя сейчас им и не предстоит охота, Феликс ненавидит, когда его женщины разгуливают по городу в затрапезном виде.

– Тебе никогда не потребуется красить губы, – говорит Фабия Амаре, которая расправляет свою желтую тогу и застегивает ее дешевой булавкой. – Счастливица, они у тебя яркие, будто гранатовые зерна.

Амара пытается представить, как в юности выглядела сама Фабия. Ее лицо не просто сморщено, а изрезано бороздами, подобными тем, что колеса повозок за многие годы оставляют на каменной мостовой. Несомненно, в этих горестных складках виноват еще и ее засранец-сын.

– Может, принести тебе чего-нибудь поесть? – спрашивает Амара.

– Не беспокойся, – отвечает Фабия. – Галлий вчера угостил меня хлебом.

Выходя из «Волчьего логова», они минуют развалившегося на крыльце полусонного Трасо. Его губа подзажила, но нос выглядит все таким же опухшим. Он спрашивает, куда это они все собрались, и с усилием встает, чтобы удостовериться в правдивости их рассказа о разбитых лампах. Заручившись его неохотным разрешением, девушки покидают лупанарий. В паре шагов от входа в женские термы Амара прощается с подругами и с повязанным вокруг талии кожаным кошельем Крессы отправляется в гончарную лавку на виа Помпеяна.

После сухой ночи уровень воды на дороге упал. Она больше не напоминает канаву. В свете позднего утра ее влажная поверхность отликает серебром. Город уже погрузился в суету. Амаре нечасто выдается случай погулять в одиночестве. Она не торопясь проходит мимо богатейших помпейских домов, украдкой заглядывая в каждую приоткрытую высокую дверь. Внутри скрываются бьющие фонтаны, зимние сады и простирающиеся до самой улицы затейливые мозаики. Ее отчий дом в Афидне был куда скромнее, но кое-какие домашние сценки – сидящая в атриуме[5 - Атриум (лат. atrium, от ater – черный,

закопченный) – главное помещение этрусского и древнеримского жилого дома, представлявшее собой закрытый внутренний двор, куда выходили остальные помещения. Прим. ред.] женщина за веретеном, спящая собака – напоминают о том, чего она лишилась.

Чуть дальше по улице виднеется гончарная лавка, наружную стену которой украшает огромная броская мураль[б - Мураль – произведение настенной живописи большого размера. Прим. ред.] с изображением окруженной светильниками Венеры. Нежные черты богини выхвачены из темноты теплыми отблесками пламени, ее глаза мерцают. За спиной Венеры розовая раковина и бледно-голубое море. Трудлюбивые маленькие гончары у ее ног обжигают в крошечном горне лампы и статуэтки, давая представление о продающихся в лавке товарах.

За узким прилавком никого нет. Сквозь проем в дальней стене виднеются рабы, озаренные красным жаром печей. Кто-то из них вот-вот вернется. Каждая свободная поверхность вокруг Амары заставлена лампами. Она озирается, стараясь не разбить ненароком что-то из изделий. Некоторые из прекрасных светильников стократ восхитительнее тех, за которыми пришла сюда она. Подняв с ближайшей полки маленькую покрытую глазурью лампу, Амара нежно поглаживает ее пальцем. На лампе изображена Афина Паллада с головой совы на нагрудном доспехе.

– Это одна из моих.

Амара поднимает глаза и встречается взглядом с одним из рабов. Смутившись, она торопливо ставит лампу на место.

– Извини.

– Нет, я только хотел сказать, что она изготовлена по моему рисунку, – смеется раб. – Мне ничего здесь не принадлежит.

Амара внезапно понимает, что этот стройный темноволосый мужчина с открытым, приветливым лицом необычайно хорош собой. «Полная противоположность Феликсу», – думает она и тут же удивляется, с чего ей вообще пришло в голову их сравнивать. Раб подходит к полке и, достав лампу, показывает Амаре ее дно.

– Вот мое клеймо. – Он дотрагивается до оттиснутой на светильнике греческой буквы М. По греческому акценту его почти можно принять за земляка Амары.

– Ты поклоняешься Афине Палладе? – спрашивает Амара, переходя на греческий.

– Ты из Афин? – радостно отзывается он.

– Нет, из Афидны, – улыбается она в ответ.

– Город прекрасной Елены Троянской.

– Ты там бывал? – Амара смотрит на молодого человека, спрашивая себя, кем он мог оказаться, встретиться они в прошлой жизни. Обращался ли он к ее отцу, заболел? Всегда ли был рабом?

– В детстве, много лет назад, я недолго там прожил. Но сам я из Афин. Из Аттики.

Аттика. Как много сплелось для Амары в этом слове: гордость за родные края, боль утраты. Стоя рядом с этим незнакомцем, она внезапно ощущает себя ближе к дому.

– Что случилось? – внезапно для себя выпаливает она. – Почему ты здесь?

Он с изумлением смотрит на Амару: рабы нечасто расспрашивают друг друга о прошлом. Никому не хочется, чтобы их горе внезапно выволокли на свет.

– У моей семьи кончились деньги, – недрогнувшим голосом говорит он. – А я был последним, что они могли продать.

За его непринужденной манерой держаться сквозит печаль. Амара не находит слов, чтобы сказать, что понимает его и пережила те же несчастья.

– Ты эту лампу хотела купить? – смутившись ее молчанием, спрашивает он.

Амара краснеет. Плащ скрывает ее кричащую тогу, и он понятия не имеет, кто она такая. А теперь ей придется попросить у этого прекрасного незнакомца родом из Афин уйму ламп в форме пенисов.

– Мой хозяин живет напротив трактира «Слон», – медленно говорит она и, уловив на его лице проблеск понимания, продолжает: – В этой стране меня зовут Амара. Когда-то я поклонялась Афине Палладе, но с тех пор, как меня привезли сюда, почитаю Венеру. У меня нет выбора. Этой богине служит мой хозяин.

– Амара. – Незнакомец прерывает ее, положив руку на ее ладонь. – Я понимаю. Ни у кого из нас здесь нет выбора.

Они смотрят друг другу в глаза. Наконец он отстраняется, словно только сейчас осознав, что решился к ней прикоснуться.

– Менандр! – окликают его сзади. – Что ты там возишься? Я только хотел... Ах, вижу-вижу, покупательница. Что ж, прошу меня простить. – Появившийся в дверях гончар Рустик со смутным узнаванием щурится на Амару.

Она отвечает на его взгляд, вспоминая, как видела его голую, подпрыгивающую вверх-вниз жирную задницу из-за приоткрытой занавески. Это один из постоянных клиентов Виктории.

– Ну-ну. – Припомнив, что встречал Амару в лупанарии, гончар хмыкает и поворачивается к Менандру. – Неудивительно, что ты не слишком торопился. – Он, более не трудясь изображать почтение, облакачивается на прилавок. – Что тебе угодно, юная волчица?

Щеки Амары горят от стыда.

– Мне нужны четыре терракотовые лампы в форме... – она сконфуженно умолкает, – в форме Приапа.

Рустик усмехается, наслаждаясь ее унижением. Амару охватывает гнев.

– Итого четыре члена, – громко, с вызовом добавляет она.

Позади нее раздаётся фыркание. Обернувшись, она сталкивается взглядом с Менандром. Он что, насмехается над ней? При виде её лица у него мгновенно пропадает охота смеяться.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Форум – первоначально рыночная площадь в городах Древнего Рима, ставшая со временем центром общественной и политической жизни. В императорскую эпоху это парадный архитектурный ансамбль, окаймленный портиками и украшенный скульптурами, включавший храмы богов – покровителей города, базилики для заседаний суда и городского управления, триумфальные арки. Прим. ред.

2

Латрина – отхожее место. Прим. ред.

3

Кубикула – спальня в римском доме. Прим. ред.

4

Пер. С. В. Шервинского.

5

Атриум (лат. atrium, от ater – черный, закопченный) – главное помещение этрусского и древнеримского жилого дома, представлявшее собой закрытый внутренний двор, куда выходили остальные помещения. Прим. ред.

6

Мураль – произведение настенной живописи большого размера. Прим. ред.

Купить: https://tellnovel.com/ru/harper_elodi/dom-volchic

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)